

Г.Д. Гловели

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Е.А. Минаева

*студентка, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА В ГЕРМАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Аннотация. Статья приурочена к столетию возникновения гипотезы Н.Д. Кондратьева о больших циклах конъюнктуры и рассматривает концепцию Кондратьева в контексте формирования политэкономии мирового хозяйства как особого научного направления. Главное внимание уделено вкладу в новую область исследования политэкономов германской исторической школы и теоретиков социал-демократического направления. Впервые в литературе отмечен вклад в становление концепции мирового хозяйства российских политэкономов А.И. Чупрова, А.А. Исаева, И.М. Кулишера. Подчеркнуто, что гипотеза Кондратьева была не только прорывом в теории экономической динамики, но и обоснованием нового подхода к анализу мирового хозяйства, развивающемуся и в настоящее время.

Ключевые слова: *мировое хозяйство, морской транспорт, германская историческая школа в политэкономии, социал-демократия, большие циклы конъюнктуры, глобализация.*

JEL: B14, B15, B17, B20, B31, F00, F44.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_99_117.

Введение

Ровно столетие назад Николай Кондратьев впервые выступил с гипотезой о двух главных типах циклических колебаний в экономике: малом промышленно-капиталистическом цикле, обнимающем обычно период в 8-11 лет, и примерно полувековом большом конъюнктурном цикле. Гипотеза больших циклов была выдвинута в заключительной главе монографии Кондратьева «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (Вологда, 1922). А во введении Кондратьев отметил растущий интерес к проблемам экономической динамики, перечислив, с одной стороны, теоретиков, много сделавших для разграничения статической и динамической точек зрения, с другой стороны, обосновавших «некоторые общие положения теории экономической динамики». Примечательно, что первый список почти совпадает с перечнем основателей современной неоклассической «ортодоксии» — Курно, Джевонс, Вальрас, Парето, Кларк, Маршалл, Шумпетер¹. Второй же список содержит имена, не упоминаемые в современных учебниках микро- и макроэкономики и не часто упоминаемые в курсах истории экономических учений: Жюгляр, Туган-Барановский, Шпитгоф, Поле, Эйленбург, Лескюр, Афталион, Бунятян, Митчелл [Кондратьев, 2002. С. 44].

¹ Исключением из ортодоксии является Й. Шумпетер, поэтому мы используем характеристику «почти».

Перечни Кондратьева отразили своеобразие траектории экономической мысли после 1870-х гг. Формировавшаяся неоклассическая ортодоксия (в России тогда называемая «математическим направлением» в политэкономии, а во Франции — «псевдовозрождением классической школы» [Жид, Рист, 1918. С. 303]), разграничив статику и динамику, сосредоточилась, главным образом, на абстрактном теоретизировании в рамках сравнительной статики. Проблемы же динамики и конъюнктуры изучались в рамках направлений, в наше время объединяемых термином «гетеродоксальные», — от довольно разнородной французской мысли и германской социал-демократии до американского институционализма. Начало разработке специальной теории конъюнктуры положили русский марксист-ревизионист Туган-Барановский и представители «новейшей», или «юной», немецкой исторической школы [Schumpeter, 1954. P. 784] Зомбарт и Шпитгоф. Но от «гетеродоксии» исходили импульсы изучения не только конъюнктуры, но и мирового хозяйства. Кондратьев, отметивший в биографическом очерке о своём учителе Туган-Барановском, что тот выступил в качестве теоретика в период, когда «Россия вплеталась тесными нитями в сеть мирового хозяйства» [Кондратьев, 1923. С. 35], в своём анализе ритмичности конъюнктур рассматривал «мировое хозяйство» как данность. Однако для тогдашней экономической мысли это было вовсе не очевидно. В английской и французской экономической литературе того времени термин «мировое хозяйство» ещё почти не употреблялся, а в германской политэкономии, где он широко распространился и даже был закреплён в названии систематического учебного курса в Кильском университете, не было достигнуто единства ни в содержании термина, ни в оценке его реалистичности.

Российская политэкономия должна быть отмечена особо. Первая русская монография «Мировое хозяйство» (1910) вышла из-под пера профессора А.А. Исаева, одного из самых плодотворных русских экономистов, и дополняла его университетский учебник «Начала политической экономии» (7 изданий в 1894-1908 гг.), выстроенный на основе категорий классической школы в традициях русского политэкономического эклектизма. Но наибольшее внимание проблематике мирового хозяйства уделили большевики с их учением об империализме и верой в «мировую революцию», начиная с книги Н.И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» (1915). Ко времени провозглашения СССР в Советской России вышло уже около десятка книг, посвящённых мировому хозяйству, включая статистический сборник «Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.» под редакцией С.А. Фалькнера, В.Г. Громана и А.А. Кауфмана. Вокруг характеристики состояния и перспектив «мирового хозяйства» сразу же развернулись дебаты, прямо затрагивавшие и циклическую концепцию Кондратьева. С новой силой полемика разгорелась после знаменитого доклада Кондратьева «Большие циклы конъюнктуры» с подробным эмпирическим и теоретическим обоснованием длинноволновой гипотезы.

Далее мы покажем, как современные споры об истоках и хронологических рамках глобализации перекликаются с дискуссиями столетней и более давности о формировании мирового хозяйства, что придаёт последним особый историко-научный интерес.

Постановка германской исторической школой вопроса о мировом хозяйстве

В немецкоязычной экономической литературе понятие «мировое хозяйство» впервые появилось в третьем из обозрений всемирной торговли, которые с 1870 г. выпускал австрийский статистик, профессор Венского университета Ф.К. фон Нойман-Шпалларт (1837–1888 гг.). В обозрении за 1880 г. учёный отметил, что со второй половины XIX в. прослеживаются стремительный рост «мирового хозяйства» как «высшего организма», по своей природе выходящего далеко за рамки политических границ государств [Neumann-

Spallart, 1881. S. 3]. По мнению Ноймана-Шпалларта, формирование мирового хозяйства было весьма благоприятно для ранее обособленных народных хозяйств и вызвало «поистине удивительный переворот во всей производительности человечества» [*Neumann-Spallart*, 1881. S. 7].

Вопросы о соотношении категорий «мировое хозяйство» и «всемирная торговля», а также о соотношении мирового хозяйства с национальными хозяйствами, привлекали особое внимание политэкономов германской исторической школы, уделявшей особое внимание историческим корням и процессам образования национальных рынков. Глава германской исторической школы в политэкономии Г. Шмоллер (1838-1917) в своих «Основаниях общей науки о народном хозяйстве» (1900) определил мировое хозяйство как сумму народных хозяйств, торговая взаимозависимость которых усиливается. Одновременно историк торговли и банковского дела Р. Эренберг (1857-1921) в своей книге «Торговая политика» (1900) подчеркнул, что формирование мирового хозяйства означает не просто расширение международного товарообмена, но прежде всего углубление международного разделения труда, которое, в конце концов, сделает «из всего земного шара одну производственную территорию» (цит по: [Капелюш, 1927. С. 208]).

Такую постановку вопроса счёл преждевременной профессор политэкономии Лейпцигского университета К. Бюхер (1847-1930), внёсший наибольший вклад в разработку германской исторической школой концепции ступеней развития хозяйства. Историко-стадиальная схема Бюхера была основана на принятии в качестве критерия периодизации длительности пути, проходимого продуктом от его непосредственного производителя до конечного потребителя. Соответственно на материале Западной Европы Бюхер показал основные стадии: 1) замкнутого домашнего (по существу, натурального) хозяйства; 2) городского ремесленного хозяйства, когда товар производится на заказ непосредственного потребителя; 3) народного хозяйства, в котором производство ориентировано на обмен товаров на более или менее отдалённых рынках. Но в рамках стадии народного хозяйства Бюхер выделил ещё три отдельных периода развития :1) меркантилистской политики национального строительства «сплочённых экономических единиц»; 2) перехода в рамках этих единиц к углублению международной специализации на основе свободной конкуренции и усилению взаимозависимости существующих рядом промышленных и земледельческих стран; 3) поворота в конце XIX в. крупных стран континентальной Европы к «неомеркантилизму» с повышенной ролью финансовых учреждений. В то же время лейпцигский профессор отвергал постановку вопроса о новой ступени развития хозяйства, которая могла бы быть противопоставлена трём прежним ступеням «под названием мирового хозяйства» [Бюхер, 1918. С. 95].

Скептицизм Бюхера не разделяли другие представители германской исторической школы в политэкономии, от которой как относительно самостоятельное обособилось социально-правовое направление германской экономической мысли. Именно из этого направления вышел Бернхард Гармс (1876-1939), автор первого специального систематического трактата о мировом хозяйстве [Harms, 1912]. Гармс добился того, чтобы созданное в 1911 г. в Кильском Институте теории государства «отделение морских сообщений и мирового хозяйства» было в 1914 г. преобразовано в самостоятельный Институт мирового хозяйства, где Гармс стал директором. А в 1915 г. Гармс основал и стал редактировать журнал «Архив мирового хозяйства».

С одной стороны, закономерно, что Институт мирового хозяйства возник именно в портовом, судостроительном и сталепромышленном Киле на основе изучения, прежде всего, экономической роли морского транспорта. Для перерастания индустриального экономического рынка объединенной Германии в настоящий вызов гегемонии Великобритании как «владычицы морей» и ещё недавней «мастерской мира» исключительное значение имели стремительный рост германского торгового флота и прорыв через

полуостров Ютландию (в 1887-1895 гг.) Кильского канала от лучшей гавани Балтийского моря до устья Эльбы на Северном море. С другой стороны, в соответствии с социально-правовым направлением Б. Гармс в политэкономии под «мировым хозяйством» подразумевал в первую очередь юридически оформленные международные экономические отношения, вытекающие из обусловленного географическими различиями странового разделения труда и из различия ступеней развития отдельных национальных хозяйств. В центр внимания были поставлены двусторонние торговые договоры и международные конвенции — железнодорожные, морские, тарифные, почтовые, транзитные, о защите товарных знаков, монетные и пр.

К главным регулирующим принципам мирового хозяйства Гармс относил: политически ограниченную территорию; развитие средств сообщения; свободу сношений между отдельными хозяйствами; содействие от национальных государств.

Возникновение анализа мирового хозяйства в российской университетской политэкономии

Российские политэкономы, испытавшие значительное воздействие германской исторической школы, как правило, были сосредоточены на выяснении своеобразия хозяйственного строя страны сравнительно с Западом. А также на изучении перспектив «догоняющего» приближения к экономическому уровню передовых стран по ступеням развития (или минуя какие-то ступени!). Исследования зарубежного экономического опыта как такового активизировались в последнем десятилетии XIX в. Это было связано с проводимым министром финансов С.Ю. Витте курсом на индустриализацию и широкое привлечение для неё иностранных капиталов, а также с дебатами между легальными народниками и претенциозными «неомарксистами»² (вскоре распавшимися на «легальных» марксистов и революционных социал-демократов) о стадийном соответствии русского промышленного развития западноевропейскому [Миклашевский, 1904. С.167-175]. В 1893 г. Витте откомандировал на Запад профессора И.И. Янжула и инженера С.И. Гулишамбарова для выяснения роли американских трестов, положения нефти на всемирном рынке и состояния обрабатывающей промышленности в западных государствах. И примерно тогда же на ожесточённом полемическом «турнире» против «народников» Туган-Барановский отстаивал свою «неомарксистскую» теорию воспроизводства, опираясь на исследование мировых периодических промышленных кризисов, орбита которых в течение XIX в. расширилась от Англии до всего мира.

Однако следует упомянуть о более раннем, но забытом исследовании профессора политэкономии Московского университета А.И. Чупрова (1842-1908) «О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе» (1889). В этой работе, вероятно, впервые в русской научной литературе появился термин «научно-технический прогресс» [Чупров, 1910. С. 113]. Чупров анализировал причины хронического застоя в европейской промышленности, связанные с длительной дефляцией, и находил их в «сцеплении» научно-технического прогресса и «разнузданной» кредитной и биржевой спекуляции, особенно в железнодорожном строительстве и кораблестроении. Хотя Чупров не разработал теории кризисов, он дал замечательную систематизацию факторов, которые, с одной стороны, обусловили экономические потрясения из-за избытка производства и сжатия потребления, а с другой стороны, свидетельствовали о сформировавшемся мировом хозяйстве:

² Эта характеристика применительно к сторонникам капиталистического развития тогдашней России использовалась достаточно широко, о чём свидетельствует, например, А. Миклашевский [Миклашевский, 1904].

- удешевление транспортировки грузов благодаря совокупности технических усовершенствований, океаническому и рельсовому паровому транспорту;
- выравнивание благодаря железным дорогам положения промышленных округов, отдалённых от морей и крупных рек, с прибрежными районами;
- перемещение обрабатывающей промышленности в районы изобильного сырья;
- вовлечение в мировую торговлю отдалённых территорий с очень благоприятными условиями для зерновой, мясопродуктовой и плодовой специализации;
- снижение издержек хранения сырья и запасов готовой продукции благодаря возможностям оперативной договорённости по телеграфу и телефону;
- установление благодаря прогрессу средств транспорта и связи более прямых связей между производителями и потребителями. [Чупров, 1910. С. 109-112].

Первый в российской политэкономии трактат «Мировое хозяйство» (1910) был написан профессором Демидовского лицея в Ярославле А.А. Исаевым (1851-1919), убеждённым, что мировое хозяйство стало долговременной реальностью. И как историческая стадия экономического быта, и как сфера международных хозяйственных отношений, охватывающих специализацию и соперничество на мировом рынке, трудовую и колониальную миграцию и стремительное возрастание экспорта капитала в различных формах (в том числе из сравнительно отсталых и небогатых стран — России, Австро-Венгрии, Италии и даже Чили). «Общим законом» мирового хозяйства Исаев считал рост международной торговли продукцией обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения, отмечая одновременно растущую зависимость западноевропейских стран от импорта сырья.

Начало XX в. было эпохой, когда достигла максимума доля передовых стран в мировом промышленном производстве, и переработка собственных железных руд на собственном минеральном топливе считалась решающим фактором национального экономического процветания. Исаев разделял это мнение, однако не исключал шансов «многостороннего развития» и для культурных стран, не имеющих в достаточном количестве минеральных «главных устоев современной промышленности» [Исаев, 1910. С. 290]. Заслугой русского экономиста можно считать постановку отдельного вопроса о «великих» и «малых» народных хозяйствах в мировом хозяйстве, а также указание на перспективность узкоспециализированной обрабатывающей промышленности и туризма для экономического роста культурных стран — не только малых (как-то: Швейцария, скандинавские государства), но и более крупных, как Италия. «К концу XX в., — предсказывал Исаев, — рост благосостояния и любознательности значительно увеличит число людей, которые будут иметь досуг и имущественные средства, дабы ежегодно проводить несколько времени вдали от постоянного местожительства. А это вызовет спрос на гораздо большую массу труда в тех отраслях, которые работают специально для путешественников»; «Своеобразные особенности территории народа и памятники его исторической жизни являются с этой точки зрения фондом, который может пополнять пробы его естественных богатств» [Исаев, 1910. С. 291–292].

Если процитированное место может служить интересным примером удачного долгосрочного прогноза, то положительная оценка Исаевым западного империализма может шокировать современного читателя. Хотя Исаев не отрицал многовековых насилий западных колонизаторов над туземцами, он оправдывал европейскую империалистическую экспансию культуртрегерской миссией. Но это ещё не всё. Русский политэконом считал, что последние войны внутри западного мира — франко-прусская (1870-1871) и испано-американская (1898) — были благотворны не только для победителей, но и для побеждённых, у которых после военных поражений началось экономическое обновление. Полагая военный триумф Германии решающим для подъёма ведущих отраслей её промышленности на технический уровень, ставший образцовым для всего мира, Исаев явно не ощущал уже близких опустошительных последствий столкновения германского милитаризма с британским империализмом и мировой войны с последующей дезинтеграцией мирового хозяйства.

Прямой последователь германской исторической школы в российской полит-экономии И.М. Кулишер (1878-1933) в своих «Лекциях по истории экономического быта Западной Европы» (1913) тему милитаристской составляющей мирового хозяйства, в противоположность Исаеву, обошёл. В противоположность же Бюхеру, Кулишер предлагал считать эпохой именно мирового хозяйства период с конца XVIII в., когда под воздействием британского промышленного переворота и Французской революции «исчезают те институты, которые стесняли развитие хозяйственной жизни»: исключительные привилегии, цеховая система и регламентация производства и сбыта, отдельные монополии, запрещение привоза и вывоза и пр. Институциональные изменения, ознаменовавшие переход от стадии народного хозяйства к стадии мирового хозяйства, Кулишер рассматривал в комплексе с изменениями технологическими. Сменившее мануфактуру машинное крупное фабричное производство ориентировалось на мировой рынок; железные дороги, заокеанское пароходство и телеграф соединяли уже не отдельные части внутри страны, как каналы, шоссе и национальные почты, а целые государства и части света.

Кулишер первым поставил вопрос об этапах развития мирового хозяйства, и здесь снова выдвинул на первый план институциональные изменения, на этот раз связанные с распространением новых типов учреждений, пришедших на смену неограниченному индивидуализму *laissez faire*. Фабричная инспекция, синдикаты и тресты, профсоюзы и кооперативы, палаты соглашения и т.д. обозначили новый этап мирового хозяйства в последней трети XIX века [Кулишер, 2004. Т. II. С. 458]. Этот этап включил и новый протекционизм, не отменивший, однако, тенденцию к расширению мирохозяйственных связей.

В очерченной Кулишером последней трети XIX в. в немецком языке стало входить в обиход понятие «тяжёлая промышленность», отразившее опережающий рост отраслей, наиболее подверженных концентрации производства и капитала и непосредственно связанных с мировым значением парового транспорта. Но и паровой транспорт, и тяжёлая промышленность оказались связаны и с «новым империализмом» — стремлением передовых индустриальных держав к захватническому расширению своих территориальных владений; преимущественно в других частях света; почти полным колониальным и полуколониальным разделом Африки, Азии и Океании; войнами, создающими повышенный спрос (пушки, оружие вообще, порох и т. д.) на продукцию металлургии и машиностроения, добычу минерального топлива и т.д. [Водовозов, 1905. С. 827]. Центральное место во внеуниверситетской политэкономии социал-демократов, «ортодоксией» которых стало учение К. Маркса о классовой борьбе и «законе движения капиталистического способа производства» к всемирной пролетарской революции, занял вопрос о связи опережающего развития тяжёлой промышленности и новых форм концентрации капитала с западным империализмом.

Социал-демократические и коммунистические концепции мирового хозяйства³

Маркс и Энгельс провозгласили ещё в «Коммунистическом манифесте» (1848) образование всемирного рынка исторической миссией буржуазии, (которую «потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит по всему земному шару», а «эпиде-

³ Социал-демократов принято выделять в особое направление (см., например, отечественное издание Всемирной истории экономической мысли, гл. 24: <https://lib.sale/uchebnik-politicheskaya-ekonomiya/germanskije-sotsial-demokratyi-51067.html>. Дата обращения 5.07.2022). Особенностью этого направления была уверенность в том, что социалистический строй явится неизбежным следствием процесса капиталистического обобществления вследствие бурного роста промышленной техники и финансового капитала. Все социал-демократы думали именно так, различаясь лишь в оценках близости и резкости перехода к социализму, количества стадий позднего капитализма, отношением к диктатуре пролетариата и «зрелости» конкретных стран (особенно России) для перехода и пр.

мии перепроизводства» — проявлением неспособности этого класса справиться с вызванными им самим колоссальными производительными силами, которым тесно в оболочке частнособственнических отношений [Маркс, Энгельс, 1955. С. 497, 499]. Десятилетие спустя Маркс и Энгельс тщетно надеялись, что очередной мировой кризис, перекинувшийся из США в Европу, «подогреет» массы к пролетарской революции. Одновременно Маркс составил план своего фундаментального политэкономического исследования капиталистического способа производства. Оно должно было начинаться с книги I «О капитале» (вплоть до акционерного капитала) и завершаться книгой VI «Мировой рынок», причём в книге о мировом рынке Маркс предполагал проанализировать и кризисы. В конце 1858 г. он писал соратнику, что «действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка и производства, покоящегося на базисе этого рынка. Поскольку земля кругла, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершён» [Маркс, Энгельс, 1962. С. 295].

Дальнейшая работа Маркса только над одной «книгой I» его первоначального плана вылилась в 3 тома «Капитала» (и два из них незавершённые), многократно превысившие по листажу первоначально намечавшийся для всех шести книг объём. Причём третий том «Капитала» был опубликован Энгельсом в последнем десятилетии XIX в., когда перед социал-демократией уже встала задача политэкономического объяснения империализма в новом значении этого слова и в связи с новым техническим переворотом в крупной промышленности, революционизировавший в последней трети XIX в. энергетику и транспорт. Энгельс писал в примечаниях к третьему тому «Капитала»: «Колоссальный рост средств сообщения — океанические пароходы, железные дороги, электрический телеграф, Суэцкий канал — впервые создал действительно мировой рынок» [Маркс, Энгельс, 1962. С. 32].

Первым из социал-демократов специальное исследование последствий новой технологической революции для мирового и народных хозяйств предпринял выпускник Берлинского университета М. Шиппель (1859-1928), учившийся политэкономии у «катедер-социалистов» исторической школы. Особое значение он придавал железнодорожным рельсам, производимым из дешёвой литой стали, получаемой благодаря конвертерной выплавке; компаунд-машине, вдвое снизившей расход топлива на океанском пароходстве; применению электричества, которое «теперь может быть собрано в любом количестве и продано», и кабельной телеграфии [Шиппель, 1898. С. 5]. Прогресс водного и рельсового парового транспорта позволил резко снизить фрахты на заокеанскую доставку пшеницы, мяса, кофе, табака, хлопка, шерсти и т.д.; а прогресс промышленности — цены на домашние лампы, красочные ткани и т.д. В результате «весь мир» превратился для потребителя в «ближайший запасной магазин всех нужных ему товаров», а для производителя — в такой же «ближайший рынок для сбыта его произведений». Однако социальная сфера «печально влачится» за материальной жизнью, какой её сделали железные дороги, пароходы и телеграфы [Шиппель, 1898. С. 11, 12].

В начале XX столетия развитие марксистской концепции неразрешимого противоречия между капиталистическими производительными силами и производственными отношениями привело к созданию Р. Гильфердингом (1877-1941) теории финансового капитала. Его трактат «Финансовый капитал» (1910) был признан лидерами германских и австрийских социал-демократов К. Каутским и Б. Бауэром прямым продолжением («4-м томом») «Капитала» К. Маркса применительно к новой фазе развития капитализма, на которой сложилась система регулярного кредитования крупнейшими банками долгосрочных капиталовложений в крупную концентрированную промышленность, а новый протекционизм (с охранительными пошлинами для этой промышленности) стимулировал усиленное развитие экспорта капитала — вывоза стоимости, предназначенной производить за границей прибавочную стоимость.

В теории финансового капитала мировое хозяйство представляло как мировая система извлечения прибавочной стоимости, монополизированной (картелированной,

синдицированной и трестированной) промышленностью передовых держав, сращенной с крупнейшими банками и стремящейся к прочному контролю над зонами с наиболее высокой нормой прибыли. Это стремление выразилось в вертикальном комбинировании предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности; в юридической монополии на патенты и в монополии на средства транспорта; в захвате собственности на природные сырьевые ресурсы; в экспроприации туземного населения и эксплуатации его рабочей силы; в опоре на национальные политические ресурсы западных государств для закрепления на рынках отсталых стран.

Р. Гильфердинг разрабатывал теорию финансового капитала в эпоху, когда доля четырёх крупнейших западных держав — США, Великобритании, Германии и Франции — превысила половину в мировом объёме промышленного производства. Причём США и Германская империя не только достигли более высоких темпов роста промышленных отраслей, особенно новых (нефтяная (США), анилино-красочная (Германия), электротехническая и др.), но и гораздо дальше продвинулись в новых организационных формах крупной промышленности (картели, синдикаты, тресты, концерны) сравнительно с прежними лидерами Англией и Францией.

Гильфердинг проанализировал различие между старыми и новыми лидерами в формах экспорта капитала и одновременно переплетение этих форм. Англия и Франция, с замедлившимся промышленным развитием, но с более крупными богатствами в виде накопленных капиталов, выступали преимущественно как экспортёры ссудного капитала, предоставлявшие большинство займов правительствам отсталых стран; США и Германия как экспортёры производительного основного капитала одновременно прибегали к импорту активов преимущественно для оборотного капитала в собственной промышленности. Так, США, будучи крупномасштабным экспортёром производительного капитала в Южную Америку, в то же время импортировали акционерный капитал из Англии, Франции, Голландии [Гильфердинг, 1922. С. 385].

Отмечая, что «представительство финансового капитала» превратилось в «важнейшую функцию дипломатии» [Гильфердинг, 1922. С. 393], Гильфердинг показал дополнение экспортом ссудного капитала экспорта производительного капитала в обеспечении рынков для переросшей национальные границы монополизированной крупной промышленности. Мигрирующий в отсталые страны капитал обращается к тем отраслям производства, которым обеспечен сбыт на мировом рынке; отсюда новая колониальная политика: не столько изобретение новых предметов потребления, сколько захват сырьевых ресурсов для расширяющихся промышленных отраслей метрополий. Одновременно крупнейшие западные банки, предоставляя займы для отсталых стран, добиваются от них крупномасштабных заказов на вооружения и транспортные принадлежности, тем самым гарантируя покровительствуемым крупнопромышленным предприятиям сбыт продукции: ведь непосредственное потребление угля и железа населением незначительно в сравнении с потреблением этих ресурсов железнодорожным строительством, армией, флотом. Совместная заинтересованность с правительством метрополии в возрождении колониальной политики, в железнодорожной экспансии, милитаризме и «маринизме» была обусловлена не только стремлением финансового капитала к гарантиям сбыта и потребностью в достаточной массе дешёвого труда и «замирении» туземного населения, но и накапливавшимися противоречиями экономических интересов экспансионистских государств-метрополий. [Гильфердинг, 1922. С. 415-416].

Гильфердинг заключал своё исследование тем, что финансовый капитал — «это высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии», сформировавшиеся на новой стадии капитализма. «Новые средние слои» выступают как «голосующее стадо финансового капитала», поддерживающее империализм метрополий. Однако как марксист он утверждал, что эта стадия — пре-

дел антагонизма как между интересами капиталистической олигархии разных стран, так и между финансовым капиталом и рабочими массами, им эксплуатируемыми, «но им же и воззываемыми к борьбе», поэтому выходом мощного столкновения антагонистических интересов как между капиталистическими нациями, так и внутри них, должна стать диктатура пролетариата [Гильфердинг, 1922. С. 446].

Как и в случае с «Капиталом» Маркса, первым языком для переводного издания «Финансового капитала» Гильфердинга (1912) стал русский. И для российских социал-демократов концепция финансового капитала и вывод из неё о предельном обострении капиталистических антагонизмов, влекущем революционную смену диктатуры магнатов капитала диктатурой пролетариата, стали альфой и омегой в анализе проблем мирового хозяйства.

Трактат Гильфердинга перевёл большевик Иван Скворцов-Степанов (1870-1928). Он в течение нескольких предыдущих лет вместе с В. Базаровым (Рудневым) осуществил новый русский перевод трёх томов «Капитала» Маркса (1909-1909), а вместе с А. Богдановым (Малиновским) начал работу над фундаментальным «Курсом политической экономии» (том 1, 1910). Но, несмотря на многолетнюю дружбу, сотворчество и общую революционную деятельность с Богдановым и Базаровым, Скворцов-Степанов не поддержал их философскую «неортодоксальность», повлёкшую партийное «отлучение» этих лидеров «среднерусского марксизма» [Гловели, 2019. С. 11]. Примкнув к сгруппировавшемуся вокруг В. Ульянова-Ленина и газеты «Правда» партийному «ядру» большевиков, Скворцов-Степанов в редактируемом ленинцами журнале «Просвещение» (1913, № 9 и 10) выступил, опираясь на работы германских и австрийских социал-демократов, с первым в России «общетеоретическим истолкованием империализма».

Центральное внимание, как и Гильфердинг, Скворцов-Степанов уделил экспорту капитала, подчеркнув принципиальное стадийное различие в уровнях экономического развития метрополий и колоний. Первые — страны крупной промышленности с высоким органическим строением капитала, с сильной буржуазией, подчинившей себе государство и общество. Последние — аграрные страны предкапиталистического и примитивно-капиталистического развития, с едва складывающейся мануфактурой и слабой туземной буржуазией, теснимой феодальными и полуфеодальными элементами. Цели экспорта капитала — втягивание в орбиту мирового рынка экономически отсталых стран с недавно ещё натуральным хозяйством. Способы достижения целей: переход таможенного управления к странам-кредиторам; подкуп госаппарата и реорганизация туземных армий для выполнения полицейских функций, обеспечивающих покорность местной дешёвой рабочей силы; ускоренная эксплуатация ресурсов растительного и минерального сырья (хлопковые плантации, каучуконосные леса, металлические руды, золотые и алмазные прииски); сооружение в колониях железных дорог и постройка гаваней и доков; гарантированные заказы для крупной картелированной промышленности метрополий на огнестрельное оружие, рельсы, вагоны, локомотивы. Всякую вновь захваченную страну финансовый капитал прежде всего опутывает, как щупальцами, железнодорожными линиями, которые должны или ускорить разложение её предкапиталистического, натурально-хозяйственного строя (дороги коммерческого назначения), или закрепить её подчинение и «замирение» (дороги стратегического назначения) [Скворцов-Степанов, 1931. С. 287].

Почти одновременно с очерком Скворцова-Степанова вышла первая книга члена РСДРП (тогда меньшевика, проживавшего в эмиграции во Франции) М. Павловича (псевдоним Михаила Вельтмана, 1871-1927) «Великие железнодорожные и морские пути будущего» (1913). Она раскрывала заинтересованность высококонцентрированной металлургической и топливной промышленности передовых западных стран, особенно Британской и Германской империй, в наращивании гонки сухопутных вооружений (милитаризм) и военно-морских флотов («маринизм»), а также в гигантских трансконтинентальных

железнодорожных проектах («три Б» (Берлин — Бизантиум — Багдад) в Евразии, «два К» (Кейптаун — Каир) в Африке и др.), поскольку всё это обеспечивало крупномасштабные заказы с гарантированными сверхприбылями [Павлович, 1925]. Хотя Павлович остановился и на захвате финансовым капиталом США зоны Панамского канала, центральное место он уделит империалистической «рельсовой политике» европейских великих держав, распростёршейся почти на весь Старый Свет и толкавшей его к мировой войне. В рецензии на книгу Павловича марксистский публицист А. Луначарский писал о мировых магистралях: «Эти гигантские персонажи нашей эпохи разыгрывают на мировой сцене хитросплетённую комедию, готовую ежеминутно обратиться в трагедию» [Луначарский, 1914. С. 121].

Трагедия мировой войны вскоре действительно разразилась. Для европейской, и в особенности — российской и германской — социал-демократии она стала ещё и трагедией раскола. Крайнее левое крыло во главе с В. Ульяновым-Лениным отреклось от прежних социал-демократических авторитетов (включая Гильфердинга), поддержавших в войне свои правительства. Ленин же возлагал особые надежды на войну, особенно в восточной Европе, как на «очень полезную для революции штуку» [Ленин, 1970. С. 155] — шанс для революционного «разрыва слабого звена» в мирохозяйственной цепи империализма.

Уже после начала мировой войны всё в том же журнале «Просвещение» молодой теоретик-ленинец Николай Бухарин (1888-1938) опубликовал цикл статей «Мировое хозяйство и империализм» (1915), посвящённых принявшему глобальный масштаб противоречию между процессами интернационализации и национализации капитала. С одной стороны — «великое переселение капиталов», международная миграция рабочей силы, образование интернациональных картелей, трестов, концернов. С другой стороны, «замыкание национальных тел» в «государственно-капиталистические тресты», связанность монопольных организаций с государством и его границами, обеспечение сверхприбылей за счет вращения винта охранительных пошлин. Финансовый капитал проникает во все поры мирового хозяйства, но при этом сталкиваются интересы национальных групп, и борьба за сферы дальнейшего вложения капитала всё чаще подкрепляется силой военного кулака. [Бухарин, 1923. С. 43, 87]. В 70-80-х гг. XIX в. великие державы устремились «взапуски» нахватать максимум рынков, с лихорадочными темпами заморских аннексий, что сопровождалось усилением неравномерности роста различных частей мирового хозяйства, провоцирующей новые противоречия и соблазны решать их силой оружия.

Обсуждая проблему империализма как «интегрального элемента финансового капитала» и как предпосылки международной социальной революции, Бухарин и его учитель сошлись на том, что мировая война стала следствием расширенного воспроизводства капиталистической конкуренции в мировых масштабах, нагнетающей усиленный антагонизм и одновременно толкающей массы к борьбе «за экспроприацию буржуазии». Бухарин полагал, что революция должна разбить национально-государственные границы в Европе, причём задача включения революционной России в будущую «общеевропейскую социалистическую систему» облегчается тем обстоятельством, что очень развитая крупная синдицированная индустрия России развилась на основе заграничных инвестиций и организационно связана через западноевропейские банки [Бухарин, 1994. С.168].

В. Ульянов-Ленин в предисловии для предполагаемого издания работы Бухарина отдельной брошюрой писал, что империализм, перейдя от относительно «мирной» формы 1871-1914 гг. вовлечения наций в водоворот мирового хозяйства к катастрофичной форме мировой войны, «должен лопнуть» [Ленин, 1969. С. 93-98]. Ожиданием «революции в России для пролетарской революции на Западе и одновременно с ней» были проникнуты тактика Ленина после Февральской революции 1917 г. и его брошюра весны 1917 г. «Империализм, как новейший этап капитализма» (в последующих изданиях — «Империализм, как высшая стадия капитализма»). К провозглашению курса на социалистическую революцию Ленин пришёл от своей концепции военного перерастания финансового капитала в «государ-

ственно-монополистический капитализм», который есть «полнейшая материальная подготовка социализма».

После победы партии большевиков в гражданской войне и образования Коминтерна ленинская доктрина империализма как «последней стадии» капитализма, за которой должен последовать всемирный переход к социализму, стала краеугольным камнем дальнейшего развития концепции мирового хозяйства уже в Советской России и СССР. В год смерти Ленина (1924) в Москве был создан Институт мирового хозяйства и мировой политики. Среди первых советских попыток концептуализации мирового хозяйства стоит отметить очерк рано умершего коммуниста Иосифа Иванова, который считался «первым советским американистом» и рассматривал США как новый индустриальный «сверхцентр» капиталистического накопления, приводящего вследствие господства «сверхконцентрации» к упадку целых промышленных районов по всему миру и к росту «избыточного» населения, что поведёт к «мировой катастрофе, небывалой в истории человечества» [Иванов, 1923. С. 50].

Уточнение германскими политэкономами хронологии мирового хозяйства и неопределённость его исторической перспективы

После мировой войны обращённая большевиками в «лагерь социализма» Россия была выключена из системы международных отношений, подвергнута интервенционной войне и блокаде. Дополнением отпадения западных окраин от России и крушения Германской и союзных ей Австро-Венгерской и Османской империй стало «национальное самоопределение» новых восточноевропейских государств-лимитрофов. Они поспешили усугубить возникшие разрывы между промышленными областями и их традиционными рынками протекционистскими таможенными барьерами. Для Германии поражение в войне обернулось усечением территории, потерей колоний, явным хозяйственным обнищанием, непосильным бременем чрезмерных репараций, навязанных державами-победительницами по принципу «проигравшие заплатят за всё». На образованную приснопамятным Версальским конгрессом Лигу Наций были возложены функции главным образом «эксекutionного аппарата против побеждённых» [Богданов, 1922. С. 126]. Границам между странами-победительницами и побеждёнными были приданы такие свойства, чтобы облегчить экономическое проникновение из первых во вторые — но отнюдь не обратно. Наконец, более всех выигравшие от войны США дали повод оценивать их хозяйство как пример приближения к автаркии. Решением своего Конгресса самодовольные янки отказались войти в инициированную их же президентом Вильсоном Лигу Наций. А введённый при следующем президенте протекционистский тариф Фордни — МакКамбера (1922) установил самые высокие ставки таможенного обложения в истории США.

С крушением монархии Гогенцоллернов были оставлены мечты «сделать второй Гамбург» из Килья, где богатейший промышленник имперской Германии Крупп основал судоверфь. Но зато принадлежавшее ранее Круппу великолепное здание было передано Кильскому Институту мирового хозяйства, получившему прекрасные помещения для архива, библиотеки, читального зала, аудиторий и кабинетов для научной работы. Б. Гармс сформировал в Институте научную «коалицию», с привлечением целого ряда социал-демократов, и расширил проблематику исследований [Гольдштейн, 1929. С. 260]. Под руководством Гармса было апробировано объединение внутри института теоретических исследований работы со сбором и обработкой разнообразной информации, включая изучение конъюнктуры на разных товарных рынках и в разных странах. Кильский Институт мирового хозяйства стал организационным образцом для Берлинского конъюнктурного института, созданного в 1925 г. при Германском статистическом управлении под руководством Э. Вагемана [Крымская, 2021. С. 173].

Б. Гармс и его последователи не отрицали кризиса, «дезорганизации» мирового хозяйства вследствие мировой войны, но полагали, что «резкий реакционный пере­рыв» после 1914 г. в конце концов не изменит тенденций к углублению международного разделения труда и расширению внешнеэкономических сношений государств [Гармс, 1923; Леви, 1924]. Вместе с тем Гармс поставил вопрос о долгосрочных структурных изменениях в мировом хозяйстве, понимая эти изменения двояко. С одной стороны, в смысле изменений отраслевой структуры, особенно связанных с замещением одних видов сырья другими (угля — нефтью, естественных волокнистых веществ — искусственными и т.д.). С другой стороны, в смысле географического перемещения ведущих центров мировой промышленности — в первую очередь, в связи с растущей ролью США [Гармс, 1923].

В полемике о природе и хронологических рамках мирового хозяйства, развернувшейся на страницах издаваемого Кильским Институтом мирового хозяйства и редактируемого Б. Гармсом «Архива мирового хозяйства» отразилось противостояние исторической школы, продолжавшей господствовать в германской политэкономии⁴, с австрийским маржинализмом. Его главным проводником в Германии стал профессор Фрайбургского университета Роберт Лифман (1874-1941), автор известных исследований о картелях и трестах и понятия «фондовый капитализм», снискавший репутацию довольно путаного и излишне претенциозного теоретика [Рубин, 1927. С. 236-237]. Лифман сочетал фритредерские предпочтения и индивидуально-психологический метод венской школы предельной полезности с признанием того, что «тенденция к монополистическим объединениям предпринимателей охватила весь мир», устранив свободную конкуренцию картелированием и трестированием [Лифман, 1925. С. 42-43]. Но несмотря на эту очевидность, в своей статье «Теория мирохозяйственного выравнивания богатства» (1923) Лифман в духе абстрактного неоклассического теоретизирования ставил вопрос о тенденции к выравниванию предельных доходов между экономика­ми разных стран аналогично выравниванию предельных доходов частных хозяйств в народном хозяйстве при свободной конкуренции [Liefmann, 1923. S. 503]. Причём Лифман призывал различать выравнивание (Ausgleichung) доходов через мирохозяйственный обмен и уравнивание (Angleichung) через внутреннее развитие производительных сил [Liefmann, 1923. S. 506].

Характерно, что западные страны (за исключением трёх упоминаний России в связи с её огромным предвоенным долгом Франции и послевоенной эмиграцией) присутствовали в концепции Р. Лифмана лишь в обобщённых категориях «отстающих и сдерживаемых стран» [Liefmann, 1923. S. 507]. К отстающим Лифман (не приводя конкретных примеров) отнёс страны, у которых низкий уровень богатства связан с отсутствием необходимых природных ресурсов либо с отставанием человеческого фактора производства. К сдерживаемым (здесь в качестве примера приведена лишь Ирландия) — страны, у которых земельные угодья и полезные ископаемые находятся в собственности иностранцев, которые ничего не делают для экономического развития. За констатацией экономического и политического господства Соединенных Штатов над формально независимыми центрально- и южноамериканскими республиками не последовало никакой конкретизации экономического положения самих этих республик [Liefmann, 1923].

⁴ В связи с принципиально различающимися выводами в отношении экономической политики британскую «политэкономия» часто противопоставляют немецкой «исторической школе». Более корректно говорить о разных направлениях политэкономии. Стоит напомнить, что отправной пункт этой школы — «Национальная система политической экономии» Ф. Листа. Правда, Рошер, Гильдебранд, Шмоллер предпочитали употреблять термины *Nationaleökonomie* и *Volkswirtschaftslehre*, но, например, главный труд Кнуса — *Die Politische Ökonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode*. Таким образом, они отвергали классическую, или ортодоксальную политэкономия, но не считали её единственно возможной.

Что касается богатых стран, то Лифман ограничился лишь констатацией «тенденции к выравниванию богатства» благодаря росту менового оборота в Европе в предвоенные десятилетия. Богатство Италии, Швейцарии, скандинавских стран и особенно Германской империи росло быстрее, чем у наций с самым высоким достигнутым уровнем богатства — Англии, Франции, Голландии. Особняком Лифман выделил группу стран, «отброшенных» с прошлого уровня богатства войнами, революциями или контрибуционными платежами; это как раз тогдашнее положение Германии — униженной Веймарской Республики [*Liefmann*, 1923. S. 508].

Р. Лифман обосновывал три способа «выравнивания богатства с точки зрения бедных стран»: 1) вывоз товаров из бедных стран в богатые; 2) вывоз капитала из богатых стран в бедные; 3) взятие на себя услуг для других стран. Последний пункт наиболее интересен; Лифман включал в него как транспортные, так и посреднические услуги (фрахты, денежное посредничество и др.) и лучше оплачиваемые рабочие места в богатых государствах, занимаемые мигрантами, переводящими большую или меньшую часть зарплаты в родные страны. А также заполнение в отсталых странах рабочих мест, требующих высокой квалификации, образованными приезжими из богатых государств. Лифман указывал на значение денежных переводов рабочих-эмигрантов для экономического подъёма предвоенной Италии, значение денежного посредничества для экономического роста Швейцарии, большое значение торговых флотов и фрахтов для увеличения богатства Германии и Норвегии. Однако, оставаясь на европоцентристских и дедуктивистских позициях, Лифман не смог достигнуть глубины в своём анализе неравномерности развития в мировом хозяйстве. Он даже не пытался сформулировать противопоставление передовых и периферийных стран в международном разделении труда, ограничившись констатацией того, что деятельность высококвалифицированных немецких техников и инженеров за границей имеет такое же воздействие, как и деятельность мелких торговцев, официантов, парикмахеров и пр., переезжающих из более бедных стран в более богатые [*Liefmann*, 1923. S. 517-519].

Гораздо более конкретным был анализ мирового хозяйства профессором политэкономии Берлинской Высшей технической школы Германом Леви (1881-1949). Он сформулировал критерий создания мирового рынка: предложение различными странами своих продуктов в определённом пункте земного шара по приблизительно одинаковым ценам. Такое стало возможным благодаря выравниванию природных различий в местонахождении отдельных видов сырья и дешёвизне перевозки в потребляющие страны [*Леви*, 1924. С. 56, 141]. Решающим же моментом в формировании мирового хозяйства Леви считал начало массового вывоза в отдалённые страны не только продовольствия и сырья, которые не могут быть производимы в этих странах, но также и таких продуктов, которые ранее обеспечивались национальным производством [*Леви*, 1924. С. 61].

Ключевое значение в генезисе мирового хозяйства, датируемом второй половиной XIX в., Леви придавал прогрессу парового морского транспорта, резко понизившего фрахты, расширившего круг доступных перевозке товаров и сделавшего возможным пространственное размещение производственных стадий так, чтобы производить продукт целиком или на отдельной стадии в местах, где производство обходится дешевле (а не ближе к пункту потребления).

Леви отмечал, что формирование мирового хозяйства первоначально шло параллельно развитию фритредёрских тенденций в международной торговой политике (50-70-е гг. XIX в.), но в 1880-е гг. последовала национально-протекционистская реакция, хотя и не остановившая процесс расширения мирового товарооборота и углубления международного разделения труда. Повсеместное же усиление тенденции к торгово-политическому обособлению после мировой войны Леви связывал не только с образованием новых европейских государств, не имеющих в традиции ничего, кроме «националь-

ного самоутверждения», но и со стремлением неевропейских «экзотических» государств хотя бы отчасти перейти от поставок своего природного сырья и продовольствия к производству готовых фабрикатов. И тем самым сделать более полной и диверсифицированной структуру своих хозяйств. Но для того времени все усилия молодых заокеанских стран были не в состоянии создать экспортной индустрии, имеющей существенное значение в мировом хозяйстве [Леви, 1924. С.167, 108].

Аналогичную Леви датировку генезиса мирового хозяйства дал старый историк-экономист А. Сарториус фон-Вальтерстаузен (1852-1938), подытоживший свою научную деятельность книгой «Мировое хозяйство и экономические сношения государств» (1926). Он также указал на период 1850-1870-х гг. — время «торжества пароходов», открытия Суэцкого канала, североамериканского трансконтинентального железнодорожного строительства и формирования, связанного с телеграфией и биржевым выравниванием мировых цен «мирохозяйственного сознания» (цит. по: [Капелюш, 1927. С. 214-215]).

Обращение к работам германских исследователей столетней давности, предлагавших выделить мировое хозяйство как предмет для особого направления в политэкономии, подтверждает, что «новое — хорошо забытое старое». Под «новым» в данном случае имеются в виду дебаты об исторических рамках экономической глобализации, развернувшиеся с 1990-х гг. Известно, что целый ряд видных учёных, среди которых историк-экономист П. Бэрш (1930-1999) и теоретик мир-системного подхода И. Валлерстайн (1930-2019), считали мистификацией взгляд на экономическую глобализацию конца XX в. как на беспрецедентный исторический феномен, утверждая, что период 1870-1914 гг. (выделенный в своё время Ульяновым-Лениным как период «мирного» — для Европы — империализма) может считаться экономической глобализацией даже с большим основанием. Довольно распространённой стала концепция «двух эр» глобализации: конца XIX — начала XX вв. и конца XX — начала XXI вв. Разновидностью такого подхода является концепция «циклов глобальной интеграции» российского экономико-географа Л.М. Синцеров, выделившего два глобальных интеграционных цикла — 1846-1914 гг. и с 1946 г., а между ними — период глобальной дезинтеграции 1914 -1945 гг. [Синцеров, 2000. С. 58-50]. Синцеров развивает также концепцию «транспортно-коммуникационной революции», хронологические рамки которой по сути совпадают с первым циклом глобальной интеграции [Синцеров, 2010]. Совпадают они и с периодом формирования мирового хозяйства в трактовке германских политэкономов (которых Синцеров упоминает), акцентировавших первостепенное значение прогресса морского парового транспорта и телеграфных коммуникаций.

Но концепция Л.М. Синцера, с одной стороны, зафиксировала печальный факт, что история пошла по худшему из сценариев, предполагавшихся германскими политэкономом. Опасность для мирового хозяйства от сопровождающего его прогресса военной силы [Леви, 1924. С. 210] воплотилась во второй мировой войне, ещё более ужасной и опустошительной, чем первая. С другой стороны, нетрудно заметить, что первая «длинная волна глобальной интеграции» почти в точности представляет собой полтора больших кондратьевских цикла — целиком второй (1848-1895) и повышательную фазу третьего (1896-1914).

Н. Кондратьев и формирование конъюнктурной концепции мирового хозяйства

В предыдущих разделах мы забежали вперёд, за рамки не только 1922, но даже и 1925 г., когда Н.Д. Кондратьев развил свою гипотезу больших циклов в знаменитом докладе, вскоре опубликованном под заглавием «Длинные волны конъюнктуры» на немец-

ком языке в «Архиве социальной науки и социалполитики» (1926)⁵. Однако теперь в контексте дебатов о мировом хозяйстве мы можем оценить вклад Кондратьева в эту область политэкономии, а также движение его мысли от первоначальной формулировки гипотезы к её более глубокому обоснованию.

Прежде всего отметим классификацию Кондратьевым стран (среди которых он дополнительно отмечает победителей и побеждённых в войне и нейтральных) на индустриальные (Англия, Бельгия, Германия), индустриально-аграрные (США, Франция, Италия, Австро-Венгрия, Япония), аграрно-индустриальные (Голландия, Дания, Швеция, Норвегия, Швейцария, Испания) и аграрные (Румыния, Сербия, Греция, Болгария, британские доминионы, Аргентина, Бразилия, Уругвай). Далее — констатация того, что некогда беспредельное владычество богатейших стран Европы над мировыми рынками шаг за шагом вытесняется новыми странами-экспортёрами, в первую очередь — чрезвычайно усилившимися во время войны Соединёнными Штатами и Японией, но также и рядом других выдвинувшихся на арену мирового хозяйства стран (Аргентиной, Канадой, Австралией).

Затем Кондратьев даёт классификацию отраслей с точки зрения влияния кризисов на их цены и производство: 1) наиболее чувствительное к колебаниям производство элементов основного капитала (здания, машины, транспортные средства, поскольку они служат промышленным и торговым задачам и т.п.); 2) производство предметов конечного потребления; 3) производство предметов, служащих оборотным капиталом [Кондратьев, 2002. С. 227].

Наконец, выдвигается схема долгосрочной динамики экономических конъюнктур: подъём 1789-1809; спад 1809-1849; новая повышательная волна 1849-1873; конъюнктурное падение после глубокого кризиса 1873 г. до 1896 г., «новый блестящий период повышательных конъюнктур» мирового хозяйства с 1896 г. — с быстрым ростом продукции, в особенности в области тяжёлой индустрии, расширения транспортных средств, в частности, торгового флота и торговли, увеличения размеров эмиссии ценных бумаг и т. д. Этот подъём глубже всего отразился на состоянии народного хозяйства Германии, США, отчасти России и Японии, и продолжался, по мнению Кондратьева, не только вплоть до мировой войны, но и во время неё [Кондратьев, 2002. С. 322–323].

1920-й же год Кондратьев определил как конъюнктурный перелом к понижительной волне, подобный 1809 и 1873 гг. [Кондратьев, 2002. С. 337].

В контексте проблематики мирового хозяйства примечателен акцент Кондратьева на действии парового транспорта: его прогресс, начиная с 1850-х гг., повлёк в 1870-е гг. усиленное предложение заокеанского зерна, вогнавшее в затяжную депрессию сельское хозяйство Европы. А с 1896 г., технический прогресс и строительство парового транспорта сделали новые громадные успехи, разогнавшие теперь уже волну конъюнктурного подъёма, причём мировой торговый флот продолжал быстро расти и во время войны.

Если сравнить эту первую формулировку ритмичности конъюнктур с развертыванием четырёх эмпирических правильностей и обоснованием эндогенного механизма в «прорывном» докладе 1925 г., то в контексте проблематики мирового хозяйства наиболее существенны следующие новации Кондратьева сравнительно с книгой 1922 г.:

- уточнение хронологии с выделением 5-7-летних поворотных интервалов между повышательными и понижительными волнами [Кондратьев, 2002. С. 368];
- выделение основных капитальных благ (включая железнодорожные линии и каналы) в структуре элементов основного капитала и теоретическое объясне-

⁵ Как известно, доклад Н. Кондратьева вызвал бурные дискуссии. Одним из ярых критиков Кондратьева был М.И. Нахимсон (Спектатор), который во второй половине 1920-х гг. стяжал славу специалиста по мировому хозяйству. Однако анализ как его позиции в споре с Кондратьевым, так и других работ Спектатора выходит за пределы «юбилейной» темы нашей статьи.

ние больших циклов изнашиванием, обновлением и расширением фонда основных капитальных благ [Кондратьев, 2002. С. 390];

- выделение в составе эмпирической правильности изменений в общемировых условиях хозяйственной жизни тренда к повышению на мировом рынке роли заокеанских «стран молодой капиталистической культуры» — сначала США, а в третьем цикле — британских доминионов, Аргентины и Чили [Кондратьев, 2002. С. 371–373].

Мы не касаемся здесь дальнейших перипетий гипотезы длинноволновой динамики Кондратьева. Отметим лишь её эвристическую значимость не только для историко-экономической ретроспективы в отраслевой и институциональной проекциях, но и для анализа тренда появления новых игроков на арене мирового хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов А.А. (1922). Версальское устроительство // Вестник Социалистической академии. Вып. 1. С. 106-131.
- Бухарин Н.И. (1923). Мировое хозяйство и империализм. — Пг.: Прибой.
- Бухарин Н.И. (1994). Письма В.И. Ленину // Вопросы истории. № 3. С. 66-69.
- Бюхер К. (1918). Возникновение народного хозяйства. — 3-е, испр., доп. по 7-му нем. изд. / Под ред. И. М. Кулишера. — Пг.: книгоиздательство «Сотрудничество».
- Водовозов В. (1905). Империализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный п/т 2. — СПб. : Брокгауз и Ефрон. С. 824-827.
- Гармс Б. (1923). Кризис мирового хозяйства : доклад, читанный на Съезде по мировому хозяйству во время океанской недели в Гамбурге. — Пг.-М.: Книга.
- Гильфердинг Р. (1922). Финансовый капитал: новейшая фаза в развитии капитализма. / Пер. с нем. И. Степанова. — М.: Госиздат.
- Гловели Г.Д. (2019). Среднерусский марксизм и системное мышление: организационная наука А.А.Богданова // А.А. Богданов. Тектология. Всеобщая организационная наука. — М.: ЛЕНАНД. С. 6-82.
- Гольдштейн Ю. В. (1929). Экономические исследовательские институты в Германии // Вестник Коммунистической академии. Хроника. Вып. 34. С. 259-261.
- Жид Ш., Рист Ш. (1918). История экономических учений. — М.: Свобода.
- Иванов И. (1923). Мировое хозяйство, как единый производственный организм // Вестник Социалистической академии. Вып. 6. С. 5-50.
- Исаев А.А. (1910). Мировое хозяйство. — СПб.: типо-лит. Шредера
- Капелюш Ф.Д. (1927). Спор о понятии мирового хозяйства. Обзор иностранной экономической литературы // Под знаменем марксизма. № 5. С. 206–221.
- Кондратьев Н.Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. — М.: Экономика.
- Кондратьев Н.Д. (1923). Михаил Иванович Туган-Барановский. — Пг.: Колос.
- Крымская А.С. (2021). Бернхард Хармс как основатель Немецкой центральной библиотеки по экономическим наукам // Библиоковедение. № 2 (70). С. 168-180.
- Кулишер И.М. (2004). История экономического быта Западной Европы. — Челябинск: Социум.
- Леви Г. (1924). Мировое хозяйство / Пер. с нем. — М.: Госиздат.
- Ленин В.И. (1970). Письмо А.М. Горькому // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 48. — М.: Политиздат. С. 154-155.
- Ленин В.И. (1969). Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 27. — М.: Политиздат. С. 93-98.
- Лифман Р. (1925). Картели и тресты. — М.: Экономическая жизнь.
- Луначарский А.В. (1914). Рецензия на кн.: Павлович М. «Великие железнодорожные и морские пути будущего» // Свободный журнал. № 5. С. 120-123.
- Маркс К. (1962). Капитал. Т. 3. Ч. II. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. II.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. С. 419-459.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1962). Переписка (январь 1856 — декабрь 1859) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 29. С. 1-428.
- Миклашевский А.Н. (1904). Обмен и экономическая политика. — Юрьев-Дерпт: тип. К. Маттисена.
- Павлович М.П. (1925). Собрание сочинений. Том II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. — Л.: Госиздат.
- Рубин И.И. (1927). Современные экономисты на Западе. — М.-Л.: Госиздат.
- Синицеров Л.М. (2000). Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 56-64.

- Синцеров Л.М. (2010). Революция на транспорте, в средствах связи и образование мирового хозяйства на рубеже XIX и XX веков // География мирового развития. Вып. 2. — М.: Ин-т географии РАН. С. 126-141.
- Скворцов-Степанов И.И. (1930). Империализм // И.И. Скворцов-Степанов. Избранные произведения. Т. 1. — М.-Л.: Соцэкгиз. С. 257-284.
- Чупров А.И. (1909). О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. Речь на торжественном собрании Московского Университета 12 января 1889 г. // А.И. Чупров. Речи и статьи. Т. 1. Политическая экономия. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых. С. 86-141.
- Bairoch P. (1996). Globalization Myths and Realities: One Century of External Trade and Foreign Investment // *States Against Markets: The Limits of Globalization*. R. Boyer, D. Drache (eds.). — L.: Routledge. Pp. 173–192.
- Harms B. (1912). *Volkswirtschaft und Weltwirtschaft, Versuch der Begründung einer Weltwirtschaftslehre*. — Jena: Gustav Fischer Verlag.
- Liefmann R. (1923). Theorie des weltwirtschaftlichen Reichtumsausgleichs // *Weltwirtschaftliches Archiv*. №19. S. 501-539.
- Neumann-Spallart F.X. von. (1881). *Uebersichten der Weltwirthschaft*. Vol. 3. — Stuttgart: Verlag von Julius Maier.
- Schumpeter J. A. (1954). *History of economic analysis*. Ed. from a manuscript by E. B. Schumpeter. L: Allen & Unwin.

Гловели Георгий Джемалович

glovelig@mail.ru

Georgii Gloveli

Professor, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

glovelig@mail.ru

Минаева Елизавета Алексеевна

eaminaeva_1@edu.hse.ru

Elizaveta Minaeva

student, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

eaminaeva_1@edu.hse.ru

FORMATION OF THE CONCEPT OF THE WORLD ECONOMY IN GERMAN AND RUSSIAN POLITICAL ECONOMY

Abstract. The article is dedicated to the centenary of the emergence of N.D. Kondratiev's hypothesis about Major cycles of conjuncture and examines Kondratiev's concept in the context of the formation of the political economy of the world economy as a special scientific direction. The main attention is paid to the contribution of political economists of the German historical school and social democratic theorists to a new field of research. For the first time in the studies, the contribution of Russian political economists A.I. Chuprov, A.A. Isaev, and I.M. Kulisher to the formation of the concept of the world economy is noted. It is emphasized that Kondratiev's hypothesis was not only a breakthrough in the theory of economic dynamics, but also the justification of a new approach to the analysis of the world economy, which is developing at the present time.

Keywords: *world economy, maritime transport, German historical school in political economy, social democracy, Major cycles of conjuncture, globalization*

JEL: B14, B15, B17, B20, B31, F00, F44.

REFERENCE

- Bairoch P. (1996). Globalization Myths and Realities: One Century of External Trade and Foreign Investment // *States Against Markets: The Limits of Globalization*. / R. Boyer, D. Drache (eds.). — L.: Routledge. Pp. 173–192.
- Bogdanov A.A. (1922). Versal'skoe ustroitel'stvo [The Versailles Arrangement] // *Vestnik Sotsialisticheskoy Akademii*. Issue 1. Pp. 106-131. (In Russ.).
- Bukharin N.I. (1923). *Mirovoe hoziastvo I imperIALIZM* [World economy and imperialism]. — Petrograd: Priboy. (In Russ.).
- Bukharin N.I. (1994). Pis'ma V.I. Leninu [Letters to V.I. Lenin] // *Voprosy istorii*. No. 3. Pp. 66-69. (In Russ.).
- Bucher K. (1918). *Vozniknovenie narodnogo hoziastva* [The emergence of the national economy.] / Edited by I. M. Kulisher. — Petrograd: Cooperation. (In Russ.).
- Chuprov A.I. (1909). O haraktere i prichinah sovremennogo promyshlennogo krizisa v Zapadnoy Evrope. Rech' na torzhestvennom sobranii Moskovskogo Universiteta 12 yanvaria 1889 g. [On the nature and causes of the modern industrial crisis in Western Europe. Speech at the solemn meeting of the Moscow University on

- January 12, 1889] // A.I. Chuprov *Rech'i i stati. T. 1. Politicheskaya ekonomiya* [Speeches and articles. Vol. 1. Political Economy]. — Moscow: M. and S. Sabashnikov. Pp. 86-141. (In Russ.).
- Gide Ch., Rist Ch. (1918). *Istoria ekonomicheskikh ucheniy* [History of economic doctrines]. — Moscow: Svoboda (In Russ.).
- Gloveli G.D. (2019) Srednerusskiy marksizm i sistemnoe myshlenie: organizatsionnaya nauka A.A.Bogdanova [Central Russian Marxism and system thinking: organizational science A.A.Bogdanov] // A.A. Bogdanov. *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tectology: Universal organizational science.]. — M.: LENAND. Pp. 6-82. (In Russ.).
- Gol'dshteyn Yu. V. (1929). Ekonomicheskiye issledovatel'skiye instituty v Germanii [Economic research institutes in Germany] // *Vestnik Kommunisticheskoy akademii. Khronika*. Vyp. 34. Pp. 259-261.
- Harms B. (1912). *Volkswirtschaft und Weltwirtschaft, Versuch der Begründung einer Weltwirtschaftslehre*. — Jena: Gustav Fischer Verlag. (In German).
- Harms B. (1923). *Krizis mirovogo hoziastva: doklad, chitannyj na S'ezde po mirovomu hoziastvu vo vremya okeanskoj nedeli v Gamburgje* [The crisis of the world economy : a report read at the Congress on the World Economy during the Ocean Week in Hamburg] — Petrograd–Moscow: Kniga. (In Russ.).
- Hilferding R. (1922). *Finansovyy kapital: noveishaya faza v razvitiy kapitalizma* [Financial capital: the newest phase in the development of capitalism]. — M.: Gosizdat. (In Russ.)
- Ivanov I. (1923). Mirovoe hoziastvo, kak edinyj proizvodstvennyj organism [The world economy as a single production organism] // *Vestnik Sotsialisticheskoy akademii*. Vyp. 6. Pp. 5-50. (In Russ.)
- Isaev A.A. (1910). *Mirovoe hoziastvo* [World economy]. — SPb.: tipo-lit. Shredder (In Russ.).
- Kapelyush F.D. (1927). Spor o poniatii mirovogo hoziastva. Obzor inostrannoy ekonomicheskoy literatury [The dispute about the concept of world economy. Review of foreign economic literature] // *Pod znamenem marksizma*. No. 5. Pp. 206-221. (In Russ.).
- Kondratiev N.D. (2002). *Bol'shie tsikly kon'unktury i teoriya predvideniya* [Major cycles of conjuncture and the theory of foresight]. — M.: Economica. (In Russ.).
- Kondratiev N.D. (1923). *Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovskiy*. — Petrograd: Kolos. (In Russ.)
- Krymskaya A.S. (2021). Bernhard Harms kak osnovatel' Nemetskoy tsentral'noy biblioteki po ekonomicheskim naukam [Bernhard Harms as the founder of the German Central Library for Economic Sciences] // *Bibliotekovedenie*. No. 2 (70). Pp. 168-180. (In Russ.).
- Kulisher I.M. (2004). *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy* [The history of economic life in Western Europe]. — Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.)
- Levy H. (1924). *Mirovoe hoziastvo* [World economy]. — M. : Gosizdat. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1969). Predislovie k broshyure N. Bukharina «Mirovoe hoziastvo i imperialism» [Preface to N. Bukharin's pamphlet «World Economy and Imperialism»] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* Vol. 27. — M.: Politizdat. Pp. 93-98. (In Russ.).
- Lenin V.I. (1970). Pis'mo A.M.Gor'komu [Letter to A.M. Gorky] // V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochineniy*. Vol. 48. — Moscow: Politizdat. Pp. 154-155. (In Russ.).
- Liefmann R. (1923). Theorie des weltwirtschaftlichen Reichtumsausgleichs // *Weltwirtschaftliches Archiv*. №19. S. 501-539. (In German).
- Liefmann R. (1925). *Karteli i tresty* [Cartels and trusts]. — M.: Economicheskaya zhizn'. (In Russ.).
- Lunacharsky A.V. (1914). Retsenziya na knigu: Pavlovich M. «Velikie zheleznodorozhnye i morskije puti budushchego» [Review of the book: Pavlovich M. «Great railway and sea routes of the future»] // *Svobodny zhurnal*. No. 5. Pp. 120-123. (In Russ.).
- Marx K. (1962). Kapital [Capital]. Vol. 3. Part II. // K. Marx, F. Engels. *Sochineniya* [Complete Works]. Vol. 25. Part II. (In Russ.).
- Marx K., Engels F. (1955). Manifest kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party] // K. Marx, F.Engels. *Sochineniya* [Complete Works]. Vol. 4. Pp. 419-459 (In Russ.).
- Marx K., Engels F. (1962). Perepiska (yanvar' 1856 — dekabr' 1859) [Correspondence (January 1856 — December 1859)] // K.Marx, F.Engels. *Sochineniya* [Complete Works]. Vol. 29. Pp. 1-428. (In Russ.).
- Miklashevsky A.N. (1904). *Obmen i ekonomicheskaya politika*. [Exchange and economic policy]. — Yuryev-Dörpt: K. Mattisen's type. (In Russ.).
- Neumann-Spallart F.X. von. (1881). *Uebersichten der Weltwirthschaft*. Vol. 3. — Stuttgart: Verlag von Julius Maier. (In German).
- Pavlovich M.P. (1925). *Sobraniye sochineniy. Tom II. Imperializm i bor'ba za velikie zheleznodorozhnye i morskije puti budushchego* [Collected works. Vol. II. Imperialism and the struggle for the Great railway and sea routes of the Future.] — Leningrad: Gosizdat. (In Russ.).
- Rubin I.I. (1927). *Sovremennyye ekonomisty na Zapade* [Modern economists in the West]. — M.-L.: Gosizdat. (In Russ.).
- Schumpeter J. A. (1954). *History of economic analysis*. Ed. from a manuscript by E. B. Schumpeter. L: Allen & Unwin.
- Sintserov L.M. (2000). Dlinnye volny global'noy integratsii [Long waves of global integration] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 5. Pp. 56-64. (In Russ.)

- Sintserov L.M.* (2010). *Revolutsiya na transporte, v sredstvakh svyazi i obrazovanie mirovogo hoziastva na rubezhe XIX i XX vekov* [The revolution in transport, in the means of communication, the formation of the world economy at the turn of the XIX and XX centuries] // *Geografiya mirovogo razvitiya*. No. 2. — Moscow: Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Pp. 126-141. (In Russ.)
- Skvortsov-Stepanov I.I.* (1930). *Imperializm* [Imperialism] // I.I. Skvortsov-Stepanov. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Vol. 1. M.-L.: Sotsekgiz. pp. 257-284. (In Russ.)
- Vodovozov V.* (1905). *Imperializm* [Imperialism] // *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona. Dopolnitel'nyy p/t 2* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Additional p/t] 2. — St. Petersburg : Brockhaus and Efron. Pp. 824-827. (In Russ.)